

003480937

На правах рукописи

Васильев -

Муминов Владимир Исманлович

**СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ЧАСТИЦ
В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
«ИДИОТ»**

Специальность 10 02 01 – Русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

22 ОКТ 2009

Владивосток-2009

Работа выполнена на кафедре современного русского языка Института русского языка и литературы ГОУ ВПО «Дальневосточный государственный университет»

- Научный руководитель доктор филологических наук, профессор
Стародумова Елена Алексеевна, ГОУ ВПО
«Дальневосточный государственный университет»
- Официальные оппоненты доктор филологических наук, доцент
Шунейко Александр Альфредович, ГОУ ВПО
«Комсомольский-на-Амуре государственный
технический университет»,
кандидат филологических наук
Бирюкова Оксана Анатольевна,
филиал ГОУ ВПО «Дальневосточный
государственный университет» в г Уссурийске
- Ведущая организация ГОУ ВПО «Дальневосточный государственный
гуманитарный университет»

Защита состоится 20 ноября 2009 г в 11 30 на заседании диссертационного совета ДМ 212 056 04 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук в Дальневосточном государственном университете по адресу 690600, г Владивосток, ул Алеутская, 56, ауд 422

С диссертацией можно ознакомиться в Институте научной информации – фундаментальной библиотеке Дальневосточного государственного университета по адресу г Владивосток, ул Алеутская, 63 б

Автореферат разослан «15» октября 2009 г

Ученый секретарь
диссертационного совета

Е А Перушина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертационная работа посвящена исследованию стилистических функций частиц в романе Ф. М. Достоевского «Идиот».

Объектом исследования являются частицы, наиболее частотные на страницах романа Ф. М. Достоевского «Идиот».

Предмет исследования составляют стилистические функции частиц.

Актуальность работы обусловлена тем, что, во-первых, частицы как лексико-грамматический разряд слов являются достаточно сложными в семантическом и функциональном отношении языковыми единицами, поэтому вполне объясним тот факт, что, несмотря на давность традиции их изучения, многие вопросы продолжают вызывать значительный интерес со стороны отечественных и зарубежных лингвистов, обнаруживающих все новые и новые неизученные аспекты у этого объекта. В научной литературе существуют серьезные разногласия в определении границ частиц, недостаточно разработана теория классификации, почти не изучены их стилистические функции. Открытость отдельных вопросов, касающихся области исследования частиц современного русского литературного языка, сказывается и на изучении этой категории слов в языке художественной литературы. Во-вторых, несмотря на широкое употребление, понятие «стилистическая функция» не имеет общепринятого определения. В-третьих, проблема стилистических функций выходит за рамки лингвистических исследований, вторгаясь в область психологии речи. В-четвертых, обладая способностью к соотношению смысла конкретного художественного текста (или его фрагмента) с константами индивидуально-авторского восприятия картин мира, частицы участвуют в реализации стилистических функций (дополнительной стилистической информации, стилистического впечатления и т. п.), что позволяет считать их важным средством создания индивидуального стиля писателя.

Цель исследования – выявить стилистические функции наиболее употребительных частиц, определяющие сложную динамику их стилистико-прагматического функционирования в романе Ф. М. Достоевского «Идиот».

Осуществление поставленной цели предполагало решение следующих задач:

1 Установить особенности языковой и стилистической манеры Ф. М. Достоевского.

2 Определить принципы отбора языковых и стилистических средств, участвующих в построении отдельного фрагмента языковой картины мира, и тем самым выразить особенности самого писателя, воспринимающего и организующего свой художественный мир, определяющий своеобразие его идиостиля.

3 Произвести наблюдения над употреблением частиц в тексте произведения и выбрать из них наиболее частотные.

4 Выделить и описать стилистические функции и их основные составляющие.

5 Выявить стилистические функции частиц, отражающие индивидуальные особенности стиля Ф М Достоевского

Методы исследования:

- описательный (непосредственное наблюдение над употреблением частиц в различных фрагментах текста),
- метод функционально-стилистического анализа (определение стилистических функций речевых средств, приемов создания стилистических эффектов, особенностей авторского стиля),
- интроспективно-индуктивный (от наблюдений над фактами к выведению закономерностей),
- сопоставительный (сопоставление различных употреблений одной или нескольких единиц, обобщение результатов наблюдения и сопоставления)

Научная новизна работы заключается в том, что

1 Дополнительно к существующим выведено новое определение стилистической функции, которая представлена как разнообразные стилистические возможности выражения определенного стилистического задания особым образом организованных средств языка, обладающих стилистическим значением, конкретное содержание которого и определяет характер стилистической функции (акцентирующей, экспрессивной, аксиологической и др), благодаря чему формируется, сохраняется и развивается стилистическая система как целое Выявление частиц, участвующих в реализации стилистической функции, позволило представить последнюю не только как структуру, но и как часть стилистической системы

2 Выделены и описаны стилистические функции частиц (акцентирующая, экспрессивная, аксиологическая, эмотивная, ретардационная, суггестивная)

3 Дано описание частиц разных функциональных типов в различных контекстах и установлено, что одна и та же частица может участвовать в реализации разных стилистических функций, что позволяет считать их важным средством создания индивидуального стиля писателя

Теоретическая значимость работы заключается в следующем

– уточнено понятие «стилистическая функция», обоснование которой основано на теоретическом анализе различных концепций, и введено новое определение,

– разработан стилистический аспект изучения частиц, состоящий в выявлении стилистических функций частиц в художественном тексте и их роли в создании индивидуального стиля писателя

Результаты исследования могут быть использованы при разработке как общих, так и частных проблем, находящихся в рамках изучения стилистических функций (категории интенсивности, экспрессивности частиц, категории неопределенности и др), и способствовать углублению представления о их системной организации Описание стилистических функций и средств их реализации дает возможность дополнить представление о частицах в лингвокультурологическом аспекте, поскольку оно связано со стрем-

лением писателя-стилиста отразить национальную языковую картину мира русского народа. Типология средств реализации стилистических функций применима в сопоставительном аспекте при анализе произведений (творческой манеры) других авторов.

Практическая значимость результатов работы определяется возможностью их применения в лекционных и практических курсах по анализу художественного текста, в практике преподавания стилистики современного русского языка. Ряд наблюдений, сформулированных автором, может быть полезен при изучении творчества Ф. М. Достоевского на уроках литературы в школе и в вузовских спецкурсах и спецсеминарах, в научно-исследовательской работе по изучению языка художественного произведения, идиостиля того или иного писателя (в процессе изучения вырабатывается осознание художественного текста как индивидуально-авторского феномена). Полученные данные вносят вклад и в многопараметровое лексикографическое описание частиц, поэтому могут использоваться при составлении словаря служебных слов.

Положения, выносимые на защиту:

1 Язык и стиль романа Ф. М. Достоевского «Идиот» характеризуется широким привлечением различных «стилистических маркеров», которые в художественном произведении являются ярким языковым и стилистическим средством, поскольку придают ему образность, выразительность, эстетическую ценность, национальную самобытность, обогащают стилистическую палитру произведения, усиливая эмоциональную тональность и насыщая лиризмом и динамизмом, становятся орудием создания идиостиля писателя, художественных образов, колоритной авторской речи и речи персонажей, портретных зарисовок и т. п., дают возможность «почувствовать» слово во всем его многообразии, обнаружить скрытые смыслы, «фразы-тени», повысить стилистический эффект, стилистическое впечатление, участвуют в реализации стилистических функций и т. д.

2 В этом ряду одно из первых мест занимают частицы, служащие для выражения сильных эмоций, скрытых, субъективных, и явных, объективных, смыслов, усиления их качества, воздействующего эффекта, координации «сближения миров» говорящего и слушающего, нюансировки отношений на основе сближения морфологического статуса с другими частями речи и т. п., активизации определенного свойства, значения данного речевого средства, реализующейся в определенном отрезке художественного текста с целью достижения определенного стилистического результата, создания определенной целенаправленности языковых средств для достижения различного в каждом отдельном случае стилистического эффекта, формирования дополнительной к предметно-логическому содержанию высказывания стилистической информации, конкретное содержание которой и определяет характер стилистической функции, обеспечения выразительного потенциала взаимодействия языковых средств в тексте, «высвечивающего» наряду с предметно-логическим содержанием текста также заложенной в нем экспрессивной, эмоциональной, оценочной, эстетической, суггестивной и другой информации и т. п.

3 Употребление широкого круга частиц, привлекаемых Ф. М. Достоевским для решения стилистических задач (создания определенного стилистического эффекта, впечатления, демонстрации возможности соотнесения смысла конкретного художественного текста (или его фрагмента) с константами индивидуально-авторского мировидения и т.п.), позволяет считать их специфическими языковыми средствами, участвующими в реализации стилистических функций, создании индивидуального стиля писателя, дает возможность дополнить представление о частицах и в лингвокультурологическом аспекте, поскольку оно связано со стремлением писателя-стилиста осветить и сохранить национальную языковую картину мира русского народа.

Апробация. Основные положения работы были отражены в докладах на ежегодных конференциях преподавателей Сахалинского государственного университета в 2005–2009 гг. по проблемам русистики «Русский язык. Лингвистический анализ текста», СахГУ (Южно-Сахалинск), апрель 2005 г., ежегодная научно-практическая конференция преподавателей, аспирантов и сотрудников СахГУ (Южно-Сахалинск), апрель 2006 г., ежегодная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы усвоения речи на современном этапе», СахГУ (Южно-Сахалинск), апрель 2007 г., ежегодная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы современного языкознания и методики обучения языкам в вузе и в школе», СахГУ (Южно-Сахалинск), апрель 2009 г. Диссертация обсуждалась на заседании кафедры современного русского языка ДВГУ (Владивосток), июнь 2009 г.

Материалом для исследования послужили частицы разных функциональных типов, наиболее частотные на страницах романа Ф. М. Достоевского «Идиот», выявленные в результате сплошной и частичной выборки, в том числе и компьютерной (всего более 5 000 употреблений, более 100 частиц и около 200 сочетаний).

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, трех Глав, Заключение, Библиографического списка.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновываются актуальность избранной темы, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, определяются объект, предмет, цели, задачи и методы исследования.

В **Первой главе** «Частицы как объект исследования в современной лингвистике» обосновывается проблема изучения и описания частиц, определяются основы исследования.

В **первом параграфе** рассмотрены основные этапы изучения частиц русского языка. Знакомство с трудами, в которых в той или иной степени рассматривались эти языковые элементы, позволяет условно выделить четыре этапа в их изучении.

1 До второй половины XIX века частицы рассматривались в составе других частей речи, относились к различным лексико-грамматическим категориям и в качестве самостоятельной части речи не выделялись.

2 Выход работы А А Добнаша «Опыт семасиологии частей речи и их форм на почве греческого языка» (1877) ознаменовал собой начало нового этапа в исследовании частиц А А Добнаш, отделив частицу от наречия, признал ее равноправным словом в системе частей речи, самостоятельной единицей речи А А Шахматов предложил первую в русском языкознании классификацию частиц А М Пешковский рассматривал частицы как категорию сугубо синтаксическую, относя их, наряду с предлогами и союзами, к служебным, или «частичным», словам, не имеющим формы

Достижением второго этапа является то, что частицы, круг которых пока еще ограничен, уже рассматриваются в системе служебных слов, предпринимаются попытки определить значение частиц и дать их классификацию

3 Особенно интенсивно и плодотворно разворачивается научная разработка частиц как части речи в третий период (прежде всего, в работах В В Виноградова), когда частицы не только определяются как особые служебные слова, но и раскрывается их специфика, выделяются отдельные группы частиц по значению, функциям и особенностям употребления. Такого рода описания содержатся в работах Л М Чистяковой, Н А Каламовой, И П Распопова, Ю Г Скиба, Н А Широковой, Д С Светлышева, Н Ю Шведовой, Ю И Леденева, В И Колодезнева и др

4 Современное языкознание углубляет и расширяет учение В В Виноградова о частицах. Появилось большое количество разноаспектных работ, освещающих проблемы частиц и «частицеподобных» единиц в зависимости от научных целей и задач, стоящих перед исследователями (А В Знаменская, Т К Иванова, А Е Булатникова, Н А Андрамонова, А Вежбицкая, В И Порошина, Т М Николаева, А Н Баранов, М И Кобозева, И В Люцц, Ю Л Воротников, Е А Стародумова, О В Куныгина, И Н Токарчук, О А Бирюкова и др.)

Несмотря на прогрессивную тенденцию в развитии учения о частицах, перед учеными стоит еще много нерешенных вопросов как в общетеоретическом плане, так и в плане выполнения частных задач, одной из которых является изучение стилистических функций частиц в художественном тексте как отражение индивидуальных особенностей (творческой манеры) писателя и др

Во втором параграфе говорится о составе и классификации частиц в современном русском языке, точное количество которых назвать невозможно, поскольку они «представляют собой открытый список» (Стародумова). До сих пор еще не до конца решена проблема их классификации, в основе которой лежат разные подходы – семантический и функциональный. Наиболее известные из них – это классификация В В Виноградова, основанная на семантике частиц и типах их связи с другими словами, и функциональная классификация, представленная в Русской грамматике 1980

Существуют и другие классификации частиц, в которых одни исследователи рассматривают частицы в целом (Д С Светлышев, А Миревич, Л В Копышева, И А Киселев, К Е Майтинская, М Г Щур и др.), другие изучают и описывают семантические и функциональные разряды (Л И Сте-

пенкова, А Т Кривоносов, В Н Борисова, В И Порошина, Т М Николаева, С И Буглак, И А Нагорный, А Ю Чернышева, Е А Стародумова, К Э Штайн, А А Ховалкина, Т И Муковозова и др), третьи занимаются пословным описанием отдельных единиц, попутно анализируя материально и (или) функционально близкие лексемы (Т К Иванова, О В Знаменская, Г Е Крейдлин, Т П Вязовик, А Е Орлов, П Б Паршин, А Н Баранов, И М Богуславский, И Б Левонтина, Н П Баранов, Н В Чернова, Н В Ветрова, Н Д Арутюнова, А Горбачик, С В Ляпина, Л А Синько, В Е Гольдин, Н В Гатинская, О В Семенова, Е В Алтабаева, С М Колесникова, Ю А Южакова и др)

В **третьем параграфе** говорится о разных аспектах изучения частиц (семантическом, прагматическом, коммуникативном, текстовом и др), которые трудно разделить и противопоставить друг другу

В **четвертом параграфе** рассматривается стилистический аспект изучения и описания частиц Отмечено, что в стилистическом плане частицы исследованы недостаточно Можно сказать, что изучение стилистических свойств частиц, их роли в создании идиостиля писателя в отечественном языкознании только начинается, находится на начальной ступени развития

В некоторых работах так или иначе затрагиваются вопросы стилистики частиц (В В Виноградов, Н Ю Шведова, Т Г Винокур, Е А Иванчикова, Н А Прокуровская, И Н Токарчук, О А Бирюкова и др), исследуются стилеобразующие свойства служебных слов, описываются отдельные стилистические функции частиц (О А Лаптева, О Б Сиротинина, Н В Неверова, О А Нечаева, В И Порошина, Н Д Арутюнова, Т В Кортova и др), однако системное исследование стилистических функций частиц в художественном тексте никем не представлено

Глава вторая – «Особенности языковой и стилистической манеры Ф М Достоевского» – включает два параграфа

В **первом параграфе** представлен обзор работ, большая часть которых литературоведческого характера, посвященных изучению многогранного творчества писателя, проанализирована оценка литературной деятельности Ф М Достоевского в критике и литературоведении, отраженная в монографических исследованиях Л П Гроссмана, Н М Чиркова, А В Чичерина, М М Бахтина, В Я Кирпотина, статьи И И Замотина, А С Долинина, С Г Бочарова и др

Важное место в изучении языка и стиля Достоевского занимают исследования В В Виноградова, выполненные в двух направлениях **лингвостилистическом**, осуществленном в русле общих проблем поэтики, стилистики и языка художественной литературы (Виноградов В В К истории лексики русского литературного языка – М , 1927, Эволюция русского натурализма Гоголь и Достоевский – Л , 1929, О языке художественной литературы – М , 1959, О теории художественной речи – М , 1971), и **текстологическом**, позволившем раскрыть стилевые и языковые тайны редакторской деятельности писателя (Виноградов В В Проблема авторства и теория стилей – М , 1961, И С Генслер и Ф М Достоевский – редактор «Гаванских сцен» – М , 1964)

Среди работ лингвистического характера выделяются исследования Г Я Симиной – о средствах выражения усиления в романе Ф М Достоевского «Преступление и наказание», О И Меншуткиной – о текстообразующей и идейно-художественной роли повторов в тексте романа «Преступление и наказание», Н А Николиной – о роли словообразовательных средств в словотворчестве Достоевского, приемах их использования, А А Илюшина – о словообразовательных синонимах, А М Иорданского – об индивидуально-авторском употреблении в произведениях Достоевского сочетаний качественных наречий с именами прилагательными, Л И Савченко – о повторе как стилистической категории в художественной прозе Ф М Достоевского и др

Особое место в изучении языка и стиля Ф М Достоевского занимают исследования Е А Иванчиковой (Иванчикова Е А Синтаксис художественной прозы Достоевского – М , 1979, Двусубъектное повествование в романе «Идиот» и формы его синтаксического изображения – М , 1990, Рассказчик в повествовательной структуре произведений Достоевского – М , 1995, О «двуголосых» синтаксических конструкциях в текстах Достоевского – М , 1996, Автор и герой в повествовательной структуре «Преступления и наказания» – СПб , 2001 и др), Н Д Арутюновой (Арутюнова Н Д Стиль Достоевского в рамках русской картины мира – М , 1996, Модальные и семантические операторы – М , 1997 и др), Ю Н Караулова (Караулов Ю Н Русская речь, русская идея и идиостиль Достоевского – М , 1996, Предикиация и неопределенность – М , 1996, Язык и мысль Достоевского в словарном отображении – М , 2001) и др

В трудах Е А Иванчиковой рассматриваются особенности индивидуального синтаксиса Ф М Достоевского на уровне компонентов художественного текста и на уровне фразы, характерные для индивидуального почерка писателя устойчиво повторяющиеся в его художественных и публицистических текстах синтаксические построения, смысловую основу которых составляет «двуголосие» – выражение двух субъективных позиций, проводятся наблюдения над художественно-изобразительной направленностью произведений исповедального типа и произведений мемуарного типа, определяются различия в их повествовательных формах и возможностях авторского «стилевого присутствия» в тексте произведения, анализируется повествовательная структура произведения, включающая языковые сигналы, указывающие на присутствие в повествовании имплицитного автора

В исследованиях Н Д Арутюновой обращается внимание на «слова, словечки и стилистические ходы, несущие особую функциональную нагрузку» (Арутюнова), анализируются функции (неопределенности (признаковой и модальной), неагентивности действия, кажимости) и сущность модальных и семантических операторов в произведениях Ф М Достоевского

В работах Ю Н Караулова описываются особенности идиостиля Достоевского, средства выражения эффекта неопределенности, «единицы индивидуального авторского лексикона», «константы идиостиля», «идиоглоссы» (Караулов), ключевые слова

Во втором параграфе второй главы рассматриваются особенности языка и стиля романа Ф. М. Достоевского «Идиот», проводятся наблюдения над авторскими предпочтениями в выборе определенных средств выражения максимальной экспрессии в зависимости от коммуникативного намерения писателя, его индивидуальной манеры

Вырабатывая свой стиль, свой художественный метод, Достоевский открыл в языке художественной прозы новые источники экспрессии, наполнив их новым содержанием (интенсивным использованием слов предельного значения, синонимов, антонимов, оксюморонных построений и т. п.), разрушил, по словам В. В. Виноградова, и канон сентиментализма, и канон натурализма, столкнув декламационно-патетические формы, основанные на сложных приемах тавтологических повторений, и слова и выражения разговорного «диалекта» и канцелярской фразеологии официального характера (Виноградов В. В. Поэтика русской литературы – М., 1976), объединил «формы драматизации и патетику взволнованного монолога» (Виноградов В. В. О языке художественной прозы – М., 1980)

Стиль Достоевского характеризуется «динамизмом и тенденцией к экспрессии, высокой степенью повторяемости единиц разных уровней и разных стилистических пластов, их концентрацией, предельной свободой в объединении речевых средств, обнажением связей между ними, выделении ключевых слов – доминант текста» (Николина)

Для этих целей Достоевский выбирает и использует

– **знаменательные слова** (существительные, прилагательные, глаголы, наречия), выражающие максимальную экспрессию, предельное проявление признака – *Едем! – заревел Рогожин, чуть не в исступлении от радости* < > [с 197], – *Э, черт* < > *все это дело вздор, одна только пьяная история* < > *Но вам надо язвить и шпионить, потому что вы вы* < > *дрянь* < > *манкированный самоубийца, разлившаяся желчь на двух ногах* [с 500], *Это такая злобная, ничтожная, самодовольная посредственность* < > *такая хитрая тварь!* [с 495], *Мне кажется, если, например, неминуемая гибель, дам на вас валиться, то тут вдруг ужасно захочется сесть и закрыть глаза и ждать – будь что будет!* *Напротив, голова ужасно живет и работает, должно быть, сильно, сильно, как машина в ходу* [с 92],

– **местоимения и незнаменательную лексику**, которые часто взаимодействуют друг с другом, создавая экспрессивные выражения и конструкции со значением градации – *Надули Фердыщенко! Вот так надули! Нет, вот это уж так надули!* [с 181], *Вот каков этот человек – ни себе, ни другим!* [с 220], – *Так вы такую-то красоту цените? – Да ..такую – То есть именно такую? – Именно такую* [с 107],

– **аффиксы**, которые выражают значение высокой или предельной степени проявления признака, качества, экспрессии (презрение, уничижение, крайняя степень и др.) и которые могут накладываться на другие значения (тщательности, завершенности, полного охвата, чрезмерности и др.) – *И не стыдно* < > *соки высосал и тем еще недоволен* < > [с 159], – *Принять?*

Вы говорите его принять, теперь, сейчас? – и генеральша из всех сил **выкатила** свои глаза на суетившегося перед ней Ивана Федоровича [с 77], – *С тех пор я ужасно люблю остов* < > *это преполознейшее животное* < > [с 81], *А Тоцкий* < > *лет достиг настоящих* < > *и жениться на первейшей раскрасавице во всем Петербурге хочет* [с 37], – *А ты у меня не усмехайся, начкун!* [с 311] и др ,

– **фразеологические единицы**, обеспечивающие большую экспрессию, чем соотносимые с ними лексемы и свободные сочетания, поскольку по своей природе обладают мощным коннотативным потенциалом, включающим эмоциональность, оценочность, экспрессивность и др – *А! Так вот как!* < > *В бараний рог сверну!..* [с 113], *С другой стороны* < > *он имеет теперь дело с существом совершенно из ряду вон* [с 68], *Она заметила* < > *слишком забежали вперед и из мухи сочинили слона..* [с 529],

– **стилистические приемы**, способные еще больше повысить степень выражаемого ими признака или качества, довести его до предела (тавтология, синонимические ряды с градационным значением, нагромождение частиц, обрывы речи и др) *Девка своевольная, девка фантастическая, девка сумасшедшая! Девка злая, злая, злая!* [с 307], *А какое симпатичное, какое милое лицо* < > *какое невинное, какое почти детское выражение и какой почти детский смех!* [с 253], *А ведь главная, самая сильная боль, может, не в ранах, а вот, что вот знаешь наверно, что вот через час, потом через десять минут* < > *вот сейчас* < > **Вот** *как готову кладешь под самый нож* < > *вот эти-то четверть секунды всего и страшнее* [с 225], – *Нуда нет половину свечки огарок целую свечку, – все равно, отстаньте!* [с 416]

Отмеченные особенности языка и стиля писателя проявляются и в широком использовании частиц, которые могут рассматриваться не только как фактор его связности или источник художественной экспрессии, но и как важный фактор описания особенностей индивидуального стиля («почерка») писателя, поскольку «несут особую функциональную нагрузку» (Арутюнова), «максимально отвечают за удачу общения» (Николаева) и «употребляются субъектом речи для приспособления объективной информации к условиям речевого акта» (Стародумова)

В нагнетании этих средств, которые образуют в романе то особенное (стилеобразующее), что отличает Достоевского от других великих художников слова, и состоит одна их характерных особенностей его индивидуальной манеры

В Третьей главе исследуются стилистические функции частиц в романе Ф. М. Достоевского «Идиот»

Начальным этапом исследования стало сопоставление различных концепций понятия «стилистическая функция», установление основных составляющих стилистической функции

Несмотря на широкое употребление, понятие «стилистическая функция» не имеет общепринятого определения. Исследователи понимают ее то как усиление (актуализацию) каких-либо языковых средств (Матвиевская), то как их целенаправленность, роль, назначение (Азнаурова), то как воздействие этих

языковых средств на воспринимающего текст, порождающее индивидуальные ассоциации (Арнольд) и т.д.

Рассмотрев наиболее значимые, на наш взгляд, трактовки стилистической функции, мы увидели, что ее следует рассматривать исходя из трех взаимосвязанных между собой факторов

1 Стилистическая функция – это **психическое явление**, представляющее собой стилистические возможности выражения определенного задания, формирующиеся и локализующиеся в психике индивида

2 Стилистическая функция – это **социальное явление**, конкретное содержание которого и определяет характер стилистической функции, поскольку создается и формируется в расчете на восприятие человека, реакцию получателя информации на использование в речи особым образом организованных средств

3 Стилистическая функция – это **системное явление**, представляющее собой стилистические возможности проявления единого целого, взаимосвязь структурных составляющих из возможных реализаций стилистической функции той или иной языковой единицы

Таким образом, мы можем сделать вывод, что **стилистическая функция** – это разнообразные стилистические возможности выражения определенного стилистического задания особым образом организованных средств языка, обладающих стилистическим значением, конкретное содержание которого и определяет характер стилистической функции (акцентирующей, экспрессивной, аксиологической и др.), благодаря чему формируется, сохраняется и развивается стилистическая система как целое

Представленное определение стилистической функции явилось отправной точкой для дальнейшего исследования

Во втором параграфе третьей главы рассматривается **акцентирующая функция** частиц, в основе которой лежит словарное значение усилительности, выделительности, ограниченности, оценочности и др., корректируемое контекстом и намерением говорящего выразить те или иные смыслы, оттенки, отношения и т.п. Частицы являются самыми частотными акцентуаторами, состав которых в тексте романа достаточно широк

В первую очередь обращают на себя внимание так называемые «межстилевые» (даже, именно, же, только и др.), а также разговорные (почти что, чуть ли не, какой-то и др.) частицы, органично включенные в ткань художественного произведения (диалоги, диалоги, приближенные к монологической речи, внутреннюю речь, речь автора и персонажей и др.)

Элементы окружения частицы даже в стилистически неокрашенной речи, как правило, располагаются справа от нее. В тексте романа частые случаи расположения лексемы даже в такой позиции отмечаются как в речи персонажей, так и в авторской речи. Причем практически во всех случаях элементы, входящие в зону «обслуживания» частицы даже (и даже; даже и; но даже; но даже и; хотя бы даже; даже хоть; что-то даже; даже если и др.), выступают «стилистически нагруженными». Например – *Князь Мышкин? Лев Николаевич?*

*Не знаю-с Так что даже и не слыхивал-с < > да и князей Мышкиных уж что-то нигде не встречается, даже и стух затих-с [с 33], – Ну как я об вас об таком доложу? < > Да вы что же, у нас жить, что ли, намерены? < > – Нет, не думаю **Даже** если б и пригласили, так не останусь [с 44]*

Частотны разнообразные повторы слова **даже** в разных частях предложения, которые сигнализируют о нарастании качества действия *В последнем отношении с ним приключилось **даже** несколько забавных анекдотов, но генерал никогда не унывал, **даже** и при самых забавных анекдотах, к тому же и везло ему, **даже** в карты, а он играл по чрезвычайно большой **и даже** < > не хотел скрывать эту свою маленькую будто бы слабость к картишкам < > [с 40], Детям решительно запретили **даже** встречаться со мной, а Шнейдер обязался **даже** смотреть за этим [с 101], Выходя, он забыл **даже** сказать «прощайте», **даже** готовый не кивнул < > [с 228]*

Градационные ряды, сформированные по принципу свободных формирований, часто становятся причиной «ненормального» построения высказывания, поскольку слово, к которому относится акцентуатор **даже**, занимает на градационной шкале место ниже, чем предыдущее < > *она всю жизнь любила **и даже** влюблена была в своего Ивана Федоровича [с 353], < > стало заметно < > она [генеральша] как-то особенно **возбуждена, даже** **взволнована** [с 207]*

Наблюдения над особенностями функционирования частицы **именно** в романе Ф М Достоевского «Идиот» показывают ее семантическую сущность, заключающуюся в способности давать оценку пропозициональному содержанию как **истинному** (подлинному, несомненному, категоричному и др), **важному** (акцентирую ваше внимание на этом), **безальтернативному** (единственно истинному, единственно правильному, единственно верному, единственно возможному и др), **известному** (об этом уже упоминалось, или это становится известным), **альтернативному** (есть и другие, которые следует учитывать или можно допустить), которое преподносится как безальтернативное

Акцентирующая функция позволяет реализовать в высказываниях типы отношений, устанавливаемые с помощью частицы **именно**, которые можно рассматривать как отношения а) «частного – общего», б) противопоставления (сопоставления), в) уступки, г) причинно-следственные, д) отождествления, е) выражения особой важности конкретизации, ж) пояснения и подтверждения, з) целевые

Частица **именно** является ярким речевым показателем, поскольку она дополнительно акцентирует рему, выделяет наиболее важный компонент

Дополнительная прагматическая сема – предупреждение о конкретизации – наиболее ярко проявляется в вопросительных высказываниях, на основе которых строятся диалоги – *Едва узнала его Он очень изменился и **гораздо к лучшему** < > – **Что именно** тебе кажется лучшим? [с 272], или в косвенном вопросе – *Да, ведь он писал письма с предположениями о мире – робко поддакнул князь – Собственно нам неизвестно, с **какими именно** предположениями он писал, но писал каждый день, каждый час, и письмо за письмом! [с 520]**

Частицы, выражающие неполное проявление признака (**чуть не, чуть ли не, чуть было не, почти, почти что** и др.), обладают семантической функцией неисчерпанности, неполноты признака, поэтому в реализации акцентирующей функции сохраняют свое базовое значение – указание на недостижение чего-либо. Для частиц данной группы характерны а) употребления в рядах со значением градации или уточнения – < > *Совершенный ребенок, и даже такой жалкий, припадки у него какие-то болезненные, он сейчас из Швейцарии, только что из вагона, одет странно, как-то по-немецкому, и вдобавок ни копейки, буквально, **чуть не** плачет* [с. 77], *Он был как-то рассеян, что-то очень рассеян, **чуть ли не** встревожен* < > [с. 33], *Ганя так обрадовался, что **почти** примирительно, **почти** нежно смотрел на мать* [с. 126], б) экспликация разного рода логико-смысловых отношений (сопоставления, противопоставления, отрицания, ограничения и др.) – *Да-с, памятна мне и княгиня! Молодость! Из-за нее мы с князем, **друзья** с детства, **чуть не** стали взаимными убийцами* [с. 122] (воспринимается как аномалия), *Агляя Ивановна **почти** так же хороша, как Настасья Филипповна* [с. 114] (сопоставление), – *Гм! Хе! В Петербурге-то прежде жиливали? < > В Петербурге? **Совсем почти нет*** [с. 46] (отрицание), в) выражение различных отношений, выходящих за пределы акцентируемого слова и распространяющихся на целую ситуацию или ее часть. *Мать, первая приняла ее со злобой < > первая ее и выдала на позор когда в деревне услышали, что Мари воротилась, то все побежали смотреть на Мари, и **чуть не** вся деревня сбегалась в избу к старухе < >* [с. 96] (акцентирующая функция частицы **чуть не** «вскрывает» нарушение состояния жителей деревни, связанное с нестандартностью, нетипичностью произошедшего с Мари применительно к общепринятым нормам – нарушение определенных норм, правил приводит к негативной реакции – Все кругом смотрели на нее, как на гадину, старики осуждали и бранили, молодые даже смеялись, женщины бранили ее, осуждали, смотрели с презрением) и др.

В реализации акцентирующей функции участвуют и другие частицы а) **вот, ведь, же, -то** и др., которые служат для выделения тех или иных элементов речи, словесных единств, особо значимых в данном контексте, б) классификаторы неопределенности **как-то, что-то, какой-то, какой-нибудь, эдакий**, исключительно широко привлекаемые Достоевским для смыслового выделения.

Участвуя в реализации акцентирующей функции, частицы выполняют в романе конкретные («тактические») задачи (уточнить, активизировать, выделить, ограничить и др.) и вместе с тем реализуют глобальную («стратегическую») интенцию автора – выразительно представить разнообразные стилистические возможности выражения определенного стилистического задания и тем самым достичь взаимопонимания с читателем (слушателем), а значит, коммуникативного успеха.

В третьем параграфе исследуется экспрессивная функция частиц, определяются теоретические основы исследования, рассматривается проблема соотношения экспрессивного и эмоционального и связанные с ними вопросы аффективного фактора в языке.

Самым существенным в различении эмоционального и экспрессивного представляется, с одной стороны, произвольность, непреднамеренность эмоции, так как она связана с чувствами, и, с другой стороны, заданность экспрессии как средства воздействия, когда говорящий (пишущий) осознает преднамеренность использования определенных средств (что предполагает наличие этих средств в языке в готовом виде) Отсюда следует, что понятие экспрессивного шире понятия эмоционального

Текст романа богато и многообразно акцентируется, оказывается экспрессивно насыщенным благодаря обилию в нем различных по формам повторов и градационных сочетаний, включающих в себя повторяющиеся частицы Например – *Но позвольте < > я читала точно такую же историю! Но решительно точно такую же! < > точно так же была вырвана сигара, точно так же была выкинута в окно ботонка, наконец, точно так же и кончилось < > [с 138], – *Ведь так, Ганька, подлец! Ведь уж взял бы три тысячи! Вот они, вот! [с 141]**

В качестве экспрессивно смыслового выделения определенных речевых отрезков в рассказе героя, в его умозаключениях используется интонационная сегментация фразы (или ее части), а также ретардация, вследствие чего возникает «кажимость» звучания живого голоса с его осмысленным и гибким интонационным рисунком < > *ничего не было для него в это время тяжелее, как беспрерывная мысль «Что, если бы не умирать! Что, если бы воротить жизнь, – какая бесконечность» [с 88], < > коли «подличать, так уж подличать до конца, лишь бы выиграть», и – почти никогда не подличал < > [с 487]*

В психологических фрагментах текста с помощью частиц передаются самые разнообразные психические движения и состояния, создаются «интонационные каскады» Такие экспрессивные фразы, обладающие разнообразным звучанием, порой занимают в тексте произведения целые абзацы, в которых вступают во взаимодействие с другими фразами, включающими ряды перечислений, повторов, обособление, нагромождение частиц, формируя новые ритмико-интонационные рисунки

В портретных зарисовках романа частицы несут «особую функциональную нагрузку» (Арутюнова) участвуют в создании стилистического эффекта (комического, иронического, юмористического, обманутого (напряженного, подтвержденного) ожидания, сопереживания и др), актуализируют определенные свойства, качества, значения и т п , создают резонанс постепенного насыщения, нагнетания стилистического впечатления, оживляют портрет, наполняя его различными характеристиками (таинственными, неопределенными, непостижимыми и др)

В контекстах рассуждающего типа с помощью частиц передается дополнительная экспрессивность, меняется темп речи (прерывистый, стремительно-быстрый, «с каскадными выхлопами»), отражается перемена настроения (экспрессивные повторы, оговорки, вставки, самоперебивы и т п), подчеркивается исключительность данного факта (явления, действия), выражается нюансировка смысловых оттенков и др

В реализации экспрессивной функции в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» активно участвуют частицы, входящие в «пласт экспрессивных языковых единиц, широко употребляемых в разговорной речи, – коммуникем» (Меликян) *Еще бы! Вот еще! Куда там!* и др. Например – *Вопрос труднейший и сложнейший!* < > – *Еще бы!* [с 468], – *Ты не могла узнать? – трепетал как в истерике Ганя – Да где уж тут!* [с 432]

Употребление частиц в различных фрагментах текста романа свидетельствует о том, что Достоевский свободно вводит разговорную экспрессию с ее богатыми возможностями интонационных и смысловых усиления. Так, частицей *вот*, вводящей «определенную» часть высказывания и выполняющей роль коррелята, выделяется рема *Не знаешь ты ее характера, она от первого же слова отвернется, а к студенту какому-нибудь умирать с голоду, на чердак, с удовольствием бы побежала, – вот ее мечта!* [с 493]

Примечательны по своей форме относящиеся также к экспрессивно окрашенному разговорному синтаксису построения, включающие частицы, «с актуализацией ремы – соотносимых с диалогическим вопросом-ответным единством» (Иванчикова). Например *А между тем все-таки тут нагнулся явился, например, кредиторы покойного купца, по документам спорным, ничтожным, а иные, пронюхав о князе, так и вовсе без документов, – и что же? Князь почти всех удовлетворил* < > [с 209]

Частицы очень часто используются в риторическом вопросе и в риторическом восклицании. насыщенные частицами контексты отличаются «особой ударностью, динамизмом, тенденцией к компрессии, развернутой системой акцентуации» (Николина). Например – < > *разве это не простодушный, не вдохновенный юмор, разве это не истинное добродушие? Разве такие слова могут выходить из уст человека мертвого* < >? *Разве мертвецы могли бы обойтись со мной, как вы обоились? Разве это не материал для будущего, для надежд? Разве такие люди могут не понять и отстать?* [с 573], – *И вообразите, как меня допекает ваш Ганечка* < > *Каково!* Он думает, что это мне утешение, ха-ха! < > *Каково!* Нет, каков эгоизм с его-то стороны! *Какова утонченность* < > *Какова в то же время воловьей грубость их эгоизма, которую они все-таки никак не могут заметить в себе!* [с 543]

Повторяемость частиц, организующих различные участки рассуждающей речи, придает им композиционную цельность, которая проявляется в настойчивом «проталкивании» на протяжении всего высказывания в сознание слушателя (читателя) определенной мысли, того или иного положения. *Ведь если господин Бурдовский окажется теперь не «сын Павлицева», то ведь в таком случае требование господина Бурдовского выходит прямое мошенническое* < > *но ведь в том-то и дело, что его обманули, потому-то я и настаиваю, чтоб его оправдать, потому-то я и говорю, что он достоин сожаления* < > *иначе ведь он тоже выйдет мошенником. Да ведь я уже сам убежден, что он ничего не понимает!* < > [с 301]

В контекстах рассуждающего типа часто встречаются частица *единственно*, которая включается в разные по форме построения с причинным,

целевым, условным значениями, подчеркивая исключительность данного факта, явления, действия, внося в них «экспрессивный заряд» – *Вот что < > все это известие единственно одно вдохновение его превосходительства < > он и лжет единственно потому, что не может сдержать умиления* [с 475], распространенные в разговорной речи акцентированные частицы **ведь, даже, именно, -то, же, хоть** и др < > *давеча я шел сюда и думал «< > С какого слова надо начать, чтоб они **хоть** что-нибудь поняли?» Как я боялся < > мог ли я бояться, не стыдно ли было бояться? Что в том, что на одного передового такая бездна отсталых и недобрых? В том-то и радость моя < > что **вовсе не** бездна, а живой материал» Нечего смущаться и тем, что мы смешны, **не правда ли?** **Ведь** это действительно так, мы смешны, легкомысленны < > мы **ведь** все таковы < > **Ведь** вы **вот** не оскорбляетесь **же**, тем, что я в глаза говорю вам, что вы смешны? А **коти** так, **то разве** вы не материал? Знаете, по-моему, быть смешным **даже** иногда хорошо, да и тучше скорее простить можно друг другу, скорее и смириться, не все **же** понимать сразу, не прямо **же** начинать с совершенства* [с 571]

Пристрастие Достоевского к широкому использованию частиц, экспрессивных по форме построений – характерная черта индивидуальности писателя, апеллирующего к слушателю, приглашая его к «независимому расследованию» (Арутюнова), сопереживанию, «аффективному выхлопу»

В четвертом параграфе третьей главы рассматривается **эмотивная функция** частиц Эмотивная функция призвана отразить в речи эмоции, чувства, настроить на определенный лад, «завести» читателя, «донести» определенное настроение, будь то настроение автора или персонажа, поэтому в художественном произведении каждый из героев имеет свой собственный голос И в этой реализации одно из первых мест занимают частицы, достаточно свободно функционирующие в эмоциональных конструкциях, поскольку многие конструкции обязаны своей эмоциональностью и экспрессивностью именно частицам (Ср жизнь – **Вот** жизнь! (восхищение) – **Вот** жизнь! (огорчение) и т п) Общее эмоциональное значение высказываний (восхищение, радость, огорчение, отвращение и т д) выражается не только с помощью восклицательной интонации, но и помощью частиц, которые вносят добавочные значения, участвуя тем самым в реализации стилистического эффекта, коммуникативной целеустановки, заполнении «пустот» конкретного продукта речевой деятельности (эмотивной функции) Без соответствующих частиц эти добавочные значения исчезают

Одна и та же частица может выражать (или усиливать) как положительные, так и отрицательные эмоции Чаще всего в реализации эмотивной функции участвуют частицы **вот, ведь, какой, эх, что за, ну и, же, -то, ни, просто, разве, еще** и др Например – **Вот так** девушка! [с 143], – **Да < > он** деньги берет, **вот беда!** [с 146], – **Ого!** < > **да ведь** это пропись! [с 58], **О, что за день!** [с 257], **Какой язык!** **Какой слог!** [с 190] и т п

Участвуя в реализации эмотивной функции, частицы контактируют со многими словами глаголами (для подчеркнутого побуждения, привлечения

внимания, угрозы и др. **Смотри же!** **Заруби же!** **Вот еще нашелся!**), **существительными** (для подчеркивания слова, усиления смысла и эмоционального эффекта **Пентюх же ты**, **Какой слог!**), **прилагательными, наречиями, местоименными словами** (для выражения сильных эмоций **Вот это так королева!** **Но ведь это уж невыносимо!** и др.), **способствуют** «сближению эмоционального мира» говорящего и слушающего, отражению всех нюансов отношений, **актуализируют** разные эмоциональные значения, важнейшими из которых являются а) осуждение, граничащее с досадой, разочарованием, негодованием и др., б) удивление действием (поступками, мыслями, желаниями, оценкой и т.п.) объекта, граничащее с недоумением, в) сомнение в названном признаке, граничащее с изумлением, удивлением, утверждением противоположного, г) осуществленное ожидание, снимающее эмоциональное напряжение, д) неприятие, граничащее с негодованием, злостью, яростью, унижением, насмешкой, отвращением, е) сожаление, граничащее с возрастанием эмоционального напряжения, ж) одобрение, граничащее с восхищением, восторгом, радостью, умилением

Чутко реагируя на самые разнообразные эмоциональные нюансы, «изображаемые миры», влияя совместно с другими средствами (лексическими, синтаксическими, просодическими) на содержательную сторону высказывания скрытыми смыслами огорчения, сожаления, радости, восхищения и т.д., эмоциональными всплесками, частицы повышают эмоциогенность той или иной речевой ситуации

Пятый параграф третьей главы посвящен описанию **аксиологической функции** частиц. Широкий спектр частиц, привлекаемых Ф. М. Достоевским для реализации аксиологической функции (оценочное значение высказывания создается в первую очередь знаменательными словами, частицы же с усилительным, вопросительным, указательным и другими значениями лишь включаются в создание оценочности, оказываясь при этом в зоне вечно «воюющих» за свое лидерство категорий экспрессивности, эмоциональности и оценочности, которым в современных лингвистических исследованиях придается не только традиционный стилистический, но и языковой статус), обусловлен их спецификой, свойствами, которые проявляются в этой зоне – их «гибридно-полуграмматический, полулексический тип» и «промежуточное положение между наречиями и модальными словами, с одной стороны, и союзами – с другой стороны» (Виноградов)

Среди высказываний с оценочным значением выделяются два типа: 1) коммуникативной целью является именно оценка (оценочность затушевывает другие значения) и 2) оценка только окрашивает основное содержание (эмоциональности, бытийности, отрицательности и др.). Частицы достаточно свободно включаются в эти высказывания, усиливая стилистический эффект. Из данного круга оценочных конструкций можно выделить частицы, чаще всего включающиеся в создание оценочности: **вот, ведь, же, -то, ни, только, неужели, какой (-то, -нибудь), что за, эдакий, уж, просто, еще** и др. Одна и та же частица может включаться в выражение как положительных, так и отрицательных оценок

Особое место среди частиц, включающихся в реализацию аксиологической функции, занимают частицы местоименного происхождения **какой (-то, -нибудь), что за, как-то, что-то, эдакий, каков**, которые способствуют выражению как положительной, так и отрицательной оценок ([+], одобрение, похвала – [-], неодобрение, порицание), усилению их качества и др. Например – *Нуда, не нравится мне этот ваш Фердыщенко сальный шут какой-то* [с 93] ([–], презрение, отвращение), – < > *Что за милый он человек, Аглая!* [с 367] ([+], восхищение, умиление), – *Что за вздор!* [с 90] ([–], злость, раздражение), – *Ну, дурак какой-нибудь и он, и его подвиги!* [с 275] ([–], пренебрежение, уничижение), – *Экая бестолочь!* [с 345] ([–], негодование, пренебрежение), – *Экая красавица!* [с 617] ([+], восхищение)

В шестом параграфе третьей главы рассмотрена ретардационная функция частиц. Ретардацию в романе создают различного рода повторы: многократные повторы эпизодов, монологов, диалогов, синтаксических конструкций, слов, как знаменательных, так и служебных. Больше, чем слова других частей речи, в реализации ретардационной функции участвуют частицы, которые создают «интонационную атмосферу эмоционального нагнетания, усиления, подъема» (Лежнева). Очень часто в «убеждающей», «внушающей», «утверждающей» речи повторяются частицы **ведь (ведь...же), вот, даже, именно, -то** и др. Контексты, насыщенные этими частицами, отличаются особой «ударностью их звучания» (Иванчикова)

Ретардирующие анафорические частицы способствуют непрерывности повествования, обеспечивают плавность речи, выделяют и ограничивают каждую синтаксическую единицу. Например – *Хочешь, я прогоню Рогожину?* < > *Господи! Да для чего же я себя так унизила перед ними? Да не ты ли же, князь, меня сам уверял, что пойдешь за мною, что бы ни случилось со мной, и никогда меня не покинешь, что ты меня любишь и все ты мне прощаешь, и меня у ва Да, ты и это говорил!* < > *Да будь же ты проклят после того за то, что я в тебя одного поверила* [с 594], – *И что же?* < > *Я слышал, как давеча рассказывал князь N Разве это не простодушный, не вдохновенный юмор, Разве это не истинное добродушие? Разве такие слова могут выходить из уст человека мертвого* < > *Разве мертвецы могли бы обойтись со мной, как вы обошлись? Разве это не материал для будущего, для надежд? Разве такие люди могут не понять и отстать?* [с 573]. Ретардирующие начальные частицы (**а, ан и, хоть, и, ведь, как, именно, какая** и др.) выступают в роли акцентуаторов, поскольку имеют «усилительный оттенок» (Порошина)

Ретардацию создают частицы, повторяющиеся не только в начале связанного контекста, но и внутри его, замедляя повествование, заполняя паузы в разговоре, повышая воздействующий эффект. Например – *А я бы вам я бы вам если бы захотели, я бы вам кое-что весьма интересное, высокопочтительный князь, мог бы сообщить, к тому предмету относящееся* < > [с 227], *Встречаются даже страшные случаи* < > *иной честный человек готов решиться даже на низкое дело, бывает даже и так, что иной из этих несчастных не только честен, но даже и добр* < > *питает своими трудами*

даже чужих, не только своих, и что же? – всю-то жизнь не может успокоиться! [с 486]

Частицы выражают и затруднение говорящего при выборе слов, что является отражением внутреннего состояния персонажа, характеристикой «усиленного психологизма» (Сими́на), поскольку герои Достоевского, испытывая сильные, «потрясающие» чувства, как правило, мечутся, не находят нужных слов. Эмоции их захлестывают, бьют через край, не успевая облечься в словесную форму. Например – *О, я ведь не потому сказал, чтоб я сомневался и, наконец, в этом разве можно сомневаться (хе-хе!) хоть сколько-нибудь? То есть даже хоть сколько-нибудь! (Хе-хе!)* [с 562], – *Да как же ты ..Как же ты!* – вскричал князь и не докончил [с 240]

Чаще всего повествование замедляют постпозитивные частицы (в том числе и несамостоятельные, входящие в устойчивые сочетания) – *Ну же, ну!* – продолжал гримасничать Фердыщенко, – *да ну же! О, господи, каких бы я вещей на такой вопрос насказал! Да ну же Пентюх же ты, князь, после этого!* [с 132], – *Но, пожалуйста, как же это? < > я читала < > точно такую же историю!* Но решительно *точно такую же!* < > *точно так же* была вырвана сизара, *точно так же* была выкинута в окно болонка, наконец, *точно так же* и кончилось, как у вас [с 138], – *Да что ты орешь-то!* < > *Я не взяла еще с тебя денег-то* < > *Это в этой-то пачке сто тысяч?* < > *Да что ты плачешь-то?* < > *Этак-то лучше* < > *Да и как глупо-то* < > [с 198]

В высказываниях с ретардацией частица *же* участвует в формировании скрытых смыслов, важнейшими из которых являются а) побуждение собеседника к ответу, разъяснению чего-нибудь – < > *Ну, какой там изумен?* – *Изумен Пафнунтий* < > – *Пафнунтий?* < > *Ну, что же он?* < > *Изумен Пафнунтий руку приложил* < > – *Где же эта подпись?* – *Осталась, кажется в кабинете* < > [с 79], б) размышление по поводу сказанного при несогласии – *Вы кончили?* < > *Что? Кончил* < > – *Да для чего же вы про это рассказали?* – *Так мне припомнилось я к разговору* < > – *Вы очень обрывисты* < > *однако же, как же этот приятель, который вам такие страсти рассказывал* < > *ведь ему переменяли же наказание* < > *подарили же ему эту «бесконечную жизнь»* [с 88], в) вопрос-рассуждение на предшествующее замечание – *Да, я, Рогожин, Парфен – Парфен? Да уж это не тех ли самых Рогожиных* < > *Да как же это?* < > *это того самого Семена Парфеновича Рогожина, потомственного почетного гражданина* < > [с 34], г) упрек, осуждение и оценка – *А как вы узнали, что это я?* < > *Что во мне такого остолбняющего?* – *Ну же, ну!* < > *да ну же!* < > *Да ну же Пентюх же ты, князь, после этого!* [с 132]

Близкими к *же* чертами обладает и частица *-то*

Ретардационная роль частиц проявляется не только в эпизодах с интенсивным развитием действия, в высказываниях оценочного характера, но также и в статических описаниях при обрисовке природы, среды, обстановки, построении героев и др. Состав и частотность употребления ретардирующих частиц зависят от целеустановок автора, которые он решает в своем произведении

Замедляя повествование, частицы вместе с другими средствами способствуют усилению восприятия, повышению интереса слушателей к содержанию, обеспечивают плавность, мелодичность, экспрессию, эмоциональность речи

Участвуя в выражении скрытых смыслов, частицы вступают во взаимодействие с другими элементами текста, заставляя читателя (слушателя) постоянно возвращаться к ним мыслями, — отсюда и замедление

В седьмом параграфе этой главы описывается **суггестивная функция** частиц. Суггестивный текст отличает а) многообразное повторение одного и того же сочетания звуков в составе различных слов, б) наличие лексических повторов, использование общеязыковых и окказиональных синонимов, в) преимущественное использование частиц, существительных и глаголов, г) насыщенность текста окказионализмами разного характера (окказиональными метафорами, сравнениями, а также другими способами образного представления реалий действительности, д) реализация синтаксического параллелизма, выполняющего архитектурно-структурную функцию и др. В понимании именно художественного, поэтического текста реализуется суггестивная функция. Для ее выполнения необходимо направить внимание читателя на содержание произведения, поступки героев, совершаемые во временно-пространственном настоящем, то есть в рамках эмпирического пространства и времени (то, о чем «рассказывается» в художественном произведении, должно восприниматься как явление, происходящее в момент воспроизведения). Этой задаче способствует и языковая организация описания — отсутствие косвенной речи, своеобразное использование видовременных категорий глагола, наличие наречий и местоимений, указывающих на время и место действия. В этот ряд можно поставить и соотнесительные указательные частицы местоименно-наречного происхождения (**вот, тут, как, что**), которые помогают читателю представить события, отраженные в произведении, происходящие в данный момент, сейчас, внушить мысль о реальности их бытия. Например — *И представьте, эта низость почти всем им понравилась, но тут вышла особенная история, тут вступились дети < > Это вот как вышло [с 97], Как решилась она ей писать < > как могла она об этом писать и как могла такая безумная мечта зародиться в ее голове!* [с 477]

Роль частиц в тексте романа многопланова. Так, частица **как** способна выступать как начальный элемент повествования, приобретать «усилительный оттенок значения с эмоциональной окраской» (Порошина), указывать на неожиданность совершения действия, поступка и др. — *Как вы здесь очутились?* [с 480], *Как могла такая грязная мысль зародиться в вашем чистом, невинном сердце?* [с 456], — *Ну, как я рад!* [с 469], — *Ах, Лебедев, как это скучно!* < > *к делу, чего вы тянете!* [с 469]

Для частицы **вот** характерен указательный оттенок значения, который помогает оживить повествование, сделать его реальным, представить в настоящем. Анафорическое употребление частицы способствует подчеркиванию активного характера совершаемых действий. *Вот кто была причиной смерти*

этой почтенной женищины < > **Вот** она стоит пред вами и не смеет взглянуть < > **Вот** она босая и в лохмотьях, – пример тем, кто теряют добродетель! [с 97] Внутри контекста указательный оттенок подвергается нивелировке, и частица **вот** начинает функционировать с «ослабленной усилительной семантикой» (Порошина) – *Это, господа, сто тысяч < > вот в этой грязной пачке Давеча вот он закричал как сумасшедший, что привезет мне сто тысяч < > начал с восемнадцати тысяч, потом вдруг скакнул на сорок, а потом вот и эти сто* [с 188]

К словам, участвующим в реализации суггестивной функции, можно отнести и частицы **что, какой, как бы, как будто** и др < > *ничего не было для него в это время тяжелее, как непрерывная мысль «Что, если бы не умереть! Что, если бы воротить жизнь, – какая беспечность! И все это было бы мое!» [с 88], – Что же ты, Рогожин? Собирайся, едем! [с 197], А, впрочем, какой иногда тут, во всем этом, хаос, какой сумбур, какое безобразие! И какой же, однако, гадкий и вседовольный прыщик этот давешний племянник Лебедева! А какое симпатичное, какое милое лицо у старшей дочери Лебедева < > какое невинное, какое почти детское выражение и какой почти детский смех! [с 253], Он вынул игранную, завернутую в бумажку, колоду и протянул к князю Тот взял, но как бы с недоумением Новое грустное и безотрадное чувство сдавило ему сердце < > Он встал и всплеснул руками Рогожин лежал неподвижно и как бы не слышал и не видал его движения < > вдруг Рогожин громко и отрывисто закричал и захохотал, как бы забыв, что надо говорить шепотом < > [с 633]*

Как языковой элемент, способный представить событие в рамках эмпирического пространства и времени, в романе функционирует очень продуктивная частица **тут** *Тут вдруг Аглая начала ужасно приставать к Коле, чтоб он ей сейчас же продал ежа < > но тут вдруг оказалось, что он вовсе не их, а принадлежал какому-то третьему мальчику* [с 531]

Частицы, участвующие в реализации суггестивной функции (**вот, тут, что, как, как бы, как будто** и др), используются Достоевским для «оживления» картин прошлого, «передачи смутных, прихотливых душевных состояний» (Литературный энциклопедический словарь), чтобы «нарисованные» художником слова картины давно прошедшего времени воспринимались как явления настоящего

Свойство суггестии проявляется в недосказанности, которую выразить прямой номинацией невозможно Суггестивный текст опирается не столько на логически оформленные связи, сколько на ассоциации, на дополнительные смысловые (и интонационные) оттенки, в формировании которых частицы **вот, тут, как, как бы, как будто** и др просто необходимы

В **Заключении** обобщаются результаты, полученные в ходе исследования, формируются выводы, намечаются дальнейшие перспективы изучения специфического класса частиц и их стилистических функций

Исследование показало, что стилистическая функция частиц – сложная система, которая включает в себя дополнительную к предметно-логическому

В **Заключении** обобщаются результаты, полученные в ходе исследования, формируются выводы, намечаются дальнейшие перспективы изучения специфического класса частиц и их стилистических функций

Исследование показало, что стилистическая функция частиц – сложная система, которая включает в себя дополнительную к предметно-логическому содержанию высказывания стилистическую информацию и может быть представлена в виде разнообразных стилистических возможностей выражения определенного стилистического задания особым образом организованных средств языка (в данном случае – частиц), обладающих стилистическим значением, конкретное содержание которого и определяет характер стилистической функции (акцентирующей, экспрессивной, аксиологической, эмоциональной и др.)

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ РАБОТЫ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

1 Языковые средства выражения максимальной экспрессии в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Вестник Поморского университета – Вып. 7 – Сер. «Гуманитарные и социальные науки» – Архангельск, 2008 – С. 78–83. [0,52 п. л.]

2 Семантика и функционирование частиц «было» и «бывало» в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Материалы XXXVII научно-практической конференции преподавателей, аспирантов и сотрудников СахГУ: сборник научных статей / сост. А. Е. Меняшев, под ред. Е. А. Лисициной – Южно-Сахалинск: СахГУ, 2006 – С. 209–219 [0,56 п. л.]

3 Средства выражения усиления в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Филологический журнал: межвузовский сборник научных статей / сост. Г. Д. Ушакова, под ред. Л. И. Рублевой – Вып. XIV – Южно-Сахалинск: СахГУ, 2006 – С. 45–56 [0,52 п. л.]

4 Семантика и употребление частиц со значением неполного проявления признака в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Поиск: сборник материалов студенческих научных чтений «Актуальные проблемы естественных и гуманитарных наук» / Сост. и отв. ред. А. А. Ипатьева – Вып. 3 – Южно-Сахалинск: СахГУ, 2007 – С. 106–111 [0,32 п. л.]

Муминов Владимир Исмаилович

**СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ЧАСТИЦ
В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
«ИДИОТ»**

Специальность 10 02 01 – Русский язык

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Подписано в печать 01 10 2009 Формат 60×90/16 Усл печ л 1,5
Тираж 100 экз Заказ № 59

Издательство Сахалинского государственного университета
693008, г Южно-Сахалинск, ул Ленина, 290

Отпечатано в редакционно-издательской группе Сахалинского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии
693023, г Южно-Сахалинск, ул Комсомольская, 196